
**ТЕЗИСЫ
УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ
«ФИЛОСОФИЯ И ОБЩЕСТВО»
(ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ МГУ,
4–5 АПРЕЛЯ 2017 Г.)**

**Круглый стол «Категориальная
проблематика в современной философии»**

А. В. Чусов

(Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова)

**О КРУГЛОМ СТОЛЕ «КАТЕГОРИАЛЬНАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ»**

4 апреля 2017 г. в рамках конференции, посвященной 20-летию журнала «Философия и общество», прошел круглый стол «Категориальная проблематика в современной философии». На нем прозвучали доклады сотрудников философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова профессора В. И. Метлова, доцентов В. Ю. Кузнецова, А. Б. Толстова, А. В. Чусова, старшего преподавателя А. В. Фролова, аспирантов С. Е. Карпова и Г. А. Шулико, каждый из которых почти уложился в 20 минут. Доклады активно обсуждались другими участниками конференции, а также профессорами и сотрудниками философского факультета, и круглый стол занял несколько более 3 часов.

Доцент А. В. Чусов открыл круглый стол докладом «О ретроспективе и перспективах категориальной проблематики». Он кратко изложил основные вехи истории категориальной проблематики (далее – КП), сформулировал основные позиции понимания того, что такое категории, и наметил ключевые проблемы в этой области. В ходе обсуждения А. В. Чусов отвечал на вопросы о методологическом значении категорий, о значимости позиции И. Канта, о пробле-

Философия и общество, № 1 2018 89–123

мах различения онтики и онтологии, о КП в советском диамате, о соотношении исторического и логического, о современном положении в сфере КП, о прогрессе в сфере КП, о значимости наследия К. Маркса и о собственном понимании центральных пунктов его категориальной концепции.

Следующим выступал старший преподаватель А. В. Фролов с докладом на тему «Категориальные основания метафизики мира». В нем была освещена концепция современного представителя Вуппертальской школы венгерского философа Ласло Тенгели, в которой проблематизируются четыре базисных различия: бытие – сущее, мир – вещи, часть – целое, единое – множественное. Составляя оппозицию модной сегодня «плоской онтологии» (М. Габриэль), А. В. Фролов описал возможность возвращения к «восприятию связи, порядка и гармонии». В задаваемых затем вопросах прозвучали утверждения о необходимости сочетания металогического и социопсихологического подходов к анализу современных философских позиций, о необходимости уточнения позиции Г. Маркуса в отношении к миру (нельзя относиться к миру как к вещи).

Затем был доклад «Категория “основание”» профессора В. И. Метлова, представившего анализ соотношения между основанием, обоснованием и научным познанием на базе различения двух направлений в научном познании: поиска предмета познания (здесь проблема соединения вещного/предметного и развития/истории) и развития самого познания (здесь проблема структуры и динамики научного познания). Разрешение этих проблем необходимо для «аутентичного» разрешения проблемы оснований. В. И. Метлов отвечал на вопрос о позиции К. Поппера (согласно которой никаких оснований вообще нет). Ему также был задан вопрос-просьба: привести пример какого-нибудь основания физической теории.

Далее выступил аспирант кафедры онтологии и теории познания Г. А. Шулико с докладом «Классический марксизм как попытка учения о категориях “естественной метафизики”». На примере классического марксизма он пытался продемонстрировать значимость для К. Маркса и Ф. Энгельса концепта «*metaphysica naturalis*» в аспектах: критики ими классической категориальной метафизики; созданных ими альтернатив классическому подходу; необ-

ходимости различения их категориальных позиций. Ему были заданы вопросы о месте и роли «призраков» в теории Маркса, о том, какой могла бы быть категориальная работа в случае изучения «чувства жизни» (в связи с позициями Карнапа и Витгенштейна), далее, какой характер в этом случае будут носить категориальные схематизмы, и не будет ли «естественное чувство жизни» выражаться в других терминах (аксиология, экзистенциалы), нежели структурированное научное знание (категории)?

Затем аспирант кафедры онтологии и теории познания С. Е. Карпов сделал сообщение на тему «Категории и классифицирование философских концепций». Он говорил о недостатках классической логической теории категоризации, о современной альтернативе, состоящей в концепции «прототипов» (Дж. Лакофф), и выдвинул гипотезу о том, что прототипическая теория будет более «органичной» в случае задачи классифицирования философских концепций. Ему были заданы вопросы о классификации философских концепций в лекциях Хайдеггера 1935 г.; насколько можно рассматривать классифицирование отдельно от категорий; не дают ли прототипические изыскания лишь дополнительную структуру внутри уже имеющейся категории, не изменяя имеющейся категориальной сетки; насколько естественна классификация, предполагаемая классификацией; где коренятся категориальные формы, если языки принципиально различаются по структуре.

Последним был доклад доцента кафедры онтологии и теории познания, к. ф. н. В. Ю. Кузнецова на тему «Категориальная система и классификационная проблема». В докладе говорилось о категории как логической функции; о категории самой категории; что предлагать частную категориальную структуру бессмысленно; что у Гегеля разные категории не просто выполняют некую категориальную функцию, а занимают определенное концептуальное место, причем не все и не всегда – некоторые выполняют функцию и не занимают места, некоторые занимают место и не выполняют функцию, а некоторые делают и то и другое; о допредикативных очевидностях, необходимо требуемых любым феноменологическим подходом; что построение категорий как категорий должно строиться с привлечением возможностей и ресурсов некатегориального построения; что это, возможно, реализуется в построениях онтоло-

гий не вещей, а событий, или процессов, или потоков. Он отвечал на вопросы о соотношении современной философии с современной технаукой; о декларированном им отказе как от понятийных схем, так и от диалектического к ним подхода.

В конце круглого стола участники вернулись к некоторым из заданных в ходе обсуждения вопросов. В частности, речь шла о категориальном наследии советского диамата, о соотношении исторического и логического, о характеристиках современного состояния в сфере категориальных исследований, в том числе о возможности зафиксировать какой-либо прогресс в этой сфере.

С. Е. Карпов

(Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова)

КАТЕГОРИИ И КЛАССИФИЦИРОВАНИЕ ФИЛОСОФСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Говоря о классифицировании как о процедуре распределения объектов по классификационным «ячейкам», мы фактически рассматриваем задачу подведения этих объектов под категории, которые являются именами «ячеек».

В классической теории категорий, идущей от Аристотеля, предполагалось, что объекты относятся к одной категории, если они имеют общее ядро свойств (состоящее хотя бы из одного общего признака). Между тем Л. Витгенштейн, рассматривая такое понятие, как игра, не обнаружил свойств, которые разделялись бы всеми играми без исключения. Это обстоятельство свидетельствует о проблеме в классической теории категоризации, которая не исчерпывается лишь существованием отдельных «неправильных» понятий.

Поскольку классифицирование напрямую связано с категоризацией, проявлениями этой проблемы также служат, например, следующие ситуации, нередко возникающие при классифицировании философских концепций по тому или иному основанию: 1) концепция имеет свойства, характерные для разных или даже противоположных категорий; 2) из двух концепций, отнесенных к одной и той же категории, одна кажется более представительной, чем другая (хотя

с точки зрения классической теории все члены категории являются логически эквивалентными).

Развивая идеи Э. Рош, Д. Лакофф прямо указывает на необходимость пересмотра классической теории и выдвигает в качестве альтернативы прототипический подход. Главное его отличие в том, что члены категории не обязательно должны быть объединены общим ядром свойств. Единственное требование для членства – наличие у элемента хотя бы одного свойства, которое связано с категорией. Такой пересмотр классического представления о категории имеет далекоидущие последствия. 1) Многие представители категории могут не иметь прямых связей друг с другом (то есть общих свойств), но иметь косвенные связи, которые обнаруживаются посредством обращения к прототипическим (образцовым) членам этой категории (так проявляется «семейное сходство», упоминаемое Витгенштейном). 2) Прототипические и периферийные представители задают некую иерархию членства внутри категории.

Какое влияние может оказать такой пересмотр классической теории категорий на способ классифицирования философских концепций? Предположительно, он позволит освободиться от необходимости отнесения концепции только к одной категории в классификации, компенсируя неоднозначность ее классифицирования различием степеней ее членства в классификационных категориях. Думается, такой подход является более органичным для поля философских концепций, чем классический.

В. Ю. Кузнецов

(Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова)

**КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СИСТЕМА
И КЛАССИФИКАЦИОННАЯ ПРОБЛЕМА**

Когда мы говорим о категориях, то уже используем категории или слова, которые задают или воспроизводят то поле-пространство, в котором это происходит. И в этом смысле фундаментальный вопрос – о категориальности самих категорий. Категориях самих категорий. Какая логическая или металогическая метафункция позволяет это выполнять и задает тот операционный стол, на кото-

ром могут встречаться разные слова и на котором мы сможем с ними оперировать и раскладывать по порядку, классифицируя? У нас есть устойчивые словоупотребления, и мы различаем, например, стол и стул, хотя строгого определения стола и стула у нас нет. И это неизбежная циркулярная замкнутость, которая воспроизводится, поскольку, когда мы говорим о категориальной структуре как предельной, мы приходим к пределу всякого возможного дискурса и рационального рассмотрения. Ибо если мы ставим вопрос о неких допредикативных очевидностях, на следующем шаге мы должны дать их описание. По Бенвенисту, аристотелевские категории (которые для нас прототип во всех смыслах этого слова) – грамматические категории греческого языка. И даже если мы согласимся с Деррида, что это не все категории языка и что важен способ отбора этих категорий, именно как категорий, которые не сводятся только к языку и должны относиться к мышлению (которое должно воспроизводить логику того, что к самому этому мышлению не сводится), построение категорий должно строиться не так жестко, как в классической метафизике, а с привлечением возможностей и ресурсов некатегориального и некатегоризируемого. И может быть, это уже не стоит называть категорией. Например, призраки, которых всегда больше одного, которые всегда возвращаются (даже когда появляются в первый раз), которые всегда в доспехах (потому что скрывают от нас свою призрачность) и которые всегда появляются не вовремя, то есть в то время, когда рвется связь, которая как темпоральная и хронологическая последовательность должна стать (привет Канту) тем схематизмом, который позволяет нам не просто упорядочивать категории, а упорядочивать с помощью категорий все остальное, что как раз и подводит нас к современной онтологии событий, процессов, потоков. И мы можем, конечно, продолжать настаивать, что речь идет о тех или иных понятиях (поскольку используются разные слова), но в этом случае у нас будет получаться очередной список таких понятий, которые не понятия, при том что Деррида не просто декларирует, что это не понятия, но и показывает, почему фармакон, гимен, след, восполнение и т. д. не только не могут, но и не должны пониматься понятийно.

В. И. Метлов

(Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова)

КАТЕГОРИЯ «ОСНОВАНИЕ»

В сферу исследований, называемых обосновательными (foundational), попадает нередко настолько широкий круг вопросов, что эти исследования квалифицируются как таковые единственно в силу того, что выходят за рамки собственной проблематики той или иной специальной отрасли знания. Понимание оснований не может не оказаться в таком случае довольно расплывчатым, а чаще всего отождествляемым с понятием «основа».

Рассмотрение характера выступления проблемы оснований в конкретных ситуациях позволяет обратить внимание на собственное место категории «основание» в научном познании.

Задачи обоснования знания в современной науке встают в связи с появлением антиномических ситуаций, когда утрачивалось прежнее понимание предмета той или иной отрасли научного познания («материя исчезла» – «сознание испарилось»). В этих условиях возникает философия науки, главной задачей которой и оказывается задача обоснования, поиск утраченного понимания предмета той или иной науки. Главным препятствием на этом этапе казалось то, что в европейской традиции называлось основным вопросом философии.

Утрата прежнего представления о предмете – а это затронуло не только названные выше физику и психологию, но практически все дисциплины – не являлась хаотическим процессом, но таким, у которого была своя логика: одна сторона антиномии была представлена предметным, вещным, другая – развитием, историей; это положение дел уже было известно на примере кантовской антиномии чистого разума, но оно восходит дальше, к апориям Зенона Элейского, в первую очередь к апории «Летящая стрела». На этой основе формировались два направления научного познания: одно – связанное с поиском предмета, другое – занятое его развитием. Это нашло свое выражение и в распаде метанаучных исследований: проблематика оснований оказалась отделенной от проблематики развития знания.

Это отделение скоро было осознано как ущербное и для обосновательных исследований, и для исследования развития знания, для методологии. С некоторых пор в этой связи главной задачей станет задача соединения вещиности и развития: «Бытие и время» М. Хайдеггера, «Процесс и реальность» А. Уайтхеда – репрезентативные примеры осознания и опыта реализации отмеченной тенденции. Средством же аутентичного решения этой задачи нам видится развитое в классической немецкой философии и в историческом материализме понимание активности субъекта, практики. Поражающее воображение своей философской выдержанностью решение проблемы предмета и развития дано современной эволюционной теорией биологии (С. Четвериков, Э. Майр, Ф. Жакоб, Р. Левонтин).

От Античности нам досталось представление об обосновании (и структуре науки), характеризующееся как фундаментализм (Аристотель, «Вторая Аналитика»), доктрине, согласно которой знание имеет двойственную структуру: одни положения полагаются не нуждающимися в обосновании, не выводимыми из каких-либо других положений, в истинности которых убеждаются непосредственно, а другие, напротив, выводимыми из первых. Такое понимание оснований и структуры науки мы видим еще у Декарта («Начала философии»).

Идея непосредственного знания, непосредственного выхода к бытию обнаружила свою несостоятельность как в опытах логических эмпириков, так и в феноменологии. Преодоление антиномий и критика идеи непосредственного знания ведут к иному видению структуры и динамики научного познания. Антиномии и крах идеи непосредственного знания автоматически ведут к аутентичной постановке вопроса об основании. Вопрос сводился к снятию противостояния формального способа объяснения из тавтологических оснований и формального способа объяснения из основания, отличного от основанного, то есть речь заходит о снятии противостояния тождества и различия в диалектическом противоречии, в полном основании, как об этом говорит Г. В. Ф. Гегель. Тем самым основание, представляя собой диалектическое противоречие, оказывается включенным в категориальную систему.

В отношении к современным метанаучным исследованиям основание оказывается самым существенным моментом развития научного знания, а не стоящим собственно вне тела науки раз и навсегда данным неподвижным фундаментом. Обретенная в ходе решения проблемы оснований динамичная вещь оказывается на определенном этапе своего существования вновь распадающейся на вещь без движения и движение без вещи. Упомянутая апория античного мыслителя вновь напоминает о себе. Проблема оснований возникает снова. Невозможно представить завершение такого рода процесса.

Аутентичное решение проблемы оснований означает не только решение проблемы соединения вечно, предметного и развития, истории, но и решение проблемы структуры и динамики научного познания.

А. В. Фролов

(Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова)

КАТЕГОРИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ МЕТАФИЗИКИ МИРА

Речь о метафизике (онтологии, феноменологии) мира представляет собой один из современных контекстов (пост)феноменологической мысли. В наиболее разработанном виде этот контекст приведен в книге представителя Вуппертальской школы венгерского философа Ласло Тенгели (László Tengelyi) под названием «Набросок мира и бесконечность. Основоположения феноменологической метафизики» [Tengelyi 2014].

Когда речь идет об основаниях метафизики мира, подразумеваются смысл и взаимосвязь таких понятий, как «бытие – сущее», «мир – вещи», «часть – целое», «единое – множественное».

Первое различие обычно трактуется в смысле онтико-онтологической дифференции, заданной М. Хайдеггером. Сущее может быть понято и встречено только в горизонте понятности бытия вообще. Или иначе: сущее есть всегда сущее *бытия*, а бытие – бытие *сущего* [Хайдеггер 1997].

Второе различие отсылает к так называемому космологическому различию, введенному последователем Э. Гуссерля и М. Хайдеггера немецким мыслителем Эйгеном Финком. Мир не есть нечто среди вещей, это не объект или предмет. В то же время вещи всегда встречаются в мире, они причастны миру. Мир является по отношению к конечным вещам неким охватывающим их целым, однако то, каким образом вещи составляют это целое мира, концептуализировать не так-то просто, во всяком случае суммативные модели здесь не работают [см.: Fink 1958: 144 ff.; Йонкус 2004].

Третье различие в современной философии было проблематизировано Аленом Бадью в его диалогии «Бытие и событие». Бадью утверждает, что множественное *может* существовать без допущения единства. В приложении к проблеме мира это означает: допуская, что нечто существует, случается или происходит, необязательно утверждать, что все это существует, случается или происходит *в мире* (как целом). Аргумент, выраженный на языке теории множеств: постулирование мира как множества всех множеств ведет к парадоксу самовключения, так что мир оказывается включен в себя самого. В популярном виде такую философию излагает немецкий философ Маркус Габриэль в своей книге «Почему мира не существует» [Gabriel 2013], где утверждается, что существует множество контекстов («смысловых полей») реальности, но нет необходимости допускать охватывающий их все метаконтекст.

Было бы интересно исследовать возможные формальные, теоретико-множественные аргументы против данной позиции. Но в данном случае нас больше интересует социокультурная подоплека такого рода философии.

Во-первых, очевидно, что в целом она выстраивается в русле постмодернистской тенденции продвигать «философию различия» в противовес «философии тождества». Инстанция различия здесь – множественное, инстанция тождества – единое. А единое рассматривается философами постмодерна как категория, выражающая тотальность, господство, которое приостанавливает порождение нового смысла.

Во-вторых, нам кажется, что на формирование такого рода философских концепций оказывают влияние глубинные сдвиги в культуре, связанные с урбанизацией и развитием массмедиа. В силу

урбанизации возрастает хаотичность жизненных контекстов: существуя в мегаполисе, за множественностями трудно разглядеть какое-либо единство (процессов, целей, смыслов). Развитие масс-медиа, в свою очередь, ведет к фрагментации образа реальности, расщеплению его на отдельные, не связанные друг с другом сегменты. Единое, цельное тем самым отодвигается на задний план.

Как можно реабилитировать единое в противовес множественному, целое мира в противовес множественности вещей и событий? Мы будем апеллировать к переживанию *космичности* мира, утверждая специфическую *акосмичность* современной цивилизации. Сошлемся на цитату из книги М. Габриеля: «Мира нет. Как вы скоро увидите, это не означает, что вообще ничего нет. Можно перечислить хотя бы следующее: есть наша планета, мои грезы, эволюция, канализационные смывы, выпадение волос, людские надежды, элементарные частицы и даже единороги на луне. Исходное положение, что мира нет, подразумевает, что имеется все остальное. <...> Имеется все, за исключением одного: мира» [Gabriel 2013: 9].

Здесь мы встречаемся с примечательной мешаниной сущего, не связанного в какое-либо целое (такое называют сегодня также «плоской онтологией», противопоставляя последнюю онтологии иерархической, упорядочивающей). Данный способ репрезентации вещей характерен для многих современных авторов. Возникает вопрос: как случилось, что философы ныне отказываются видеть в сущем связь, не говоря уже о порядке и гармонии? И что нужно сделать, чтобы восприятие связи, порядка и гармонии снова вышло на повестку дня? Возможно ли еще возродить это древнее, архаичное для современного интеллектуала переживание?

Представляется, что возможно, если предпринять некоторые усилия. Настоящая *феория* никогда не была плодом умственных спекуляций, но требовала определенной работы души. Созерцатели мироздания издревле говорили, что нужно настроить душу на соответствие ее гармонии мира. Душа, подверженная страстям (гневу, вожделению, даже унынию), мировую гармонию воспринимать неспособна (ведь и сегодня говорят, что гнев ослепляет). Кроме того, необходим хоть какой-то опыт отрешенности, невовлеченности в круг забот и увлечений, которые мир с готовностью нам предлагает, в том числе через массмедиа и урбанизированную жизнь.

ненную среду. Возможно, тогда созерцатель сможет уловить в своем опыте мира проблески *космоса* – порядка, который имеется в самом *сущем*.

Если отсвет мировой гармонии оказывается воспринят, это становится весомым аргументом против суждения о том, что *мира нет*. *Мира нет*, если его не видеть, как за деревьями не видно леса («лесом») в данном случае может оказаться и «Всемирная Паутина». И *мир есть*, если мы получаем доступ к его созерцанию. И если мир есть, он прекрасен – ибо устроен *добро зело* [см.: Библия...].

Литература

- Библия. Книга первая Моисеева. Бытие. Гл. 1.
Йонкус Д. Проблема мира в феноменологии Эугена Финка // Топос. 2004. № 2(9). С. 56–61.
Хайдеггер М. Тождество и различие. М., 1997.
Gabriel M. Warum es die Welt nicht gibt. Berlin : Ullstein, 2013.
Fink E. Sein, Wahrheit, Welt. Vor-Fragen zum Problem des Phänomen-Begriffs. Den Haag, 1958.
Tengelyi L. Weltentwurf und Unendlichkeit. Grundlagen einer phänomenologischen Metaphysik. Freiburg; München : Karl Alber, 2014.

А. В. Чусов

(Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова)

О РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВАХ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Спектр интерпретаций концепта «категория» ныне очень широк. Еще в Античности сформировались и постоянно воспроизводятся два основных направления понимания категорий. Это линия Платона, предметом которой являются «высшие роды» (μέγιστα μὴν τῶν γενῶν; Thaet. 254d), и линия Аристотеля, где речь идет о собственно «категориях» (κατηγορία).

Говоря о высших родах, Платон имел в виду порождение сущих. В отношении к сущим он непосредственно рассматривал акты определения сущих. Абстрактно говоря, определение некоего суще-

го может быть его самоопределением (определением сущего «самого по себе», как бы «изнутри» самого наличного бытия или существования), а может быть и определением в отношении к «иному», к внешнему для данного сущего источнику бытия. В этом и коренится проблематика высших родов. Субстантивирующая платоновская линия получает явное выражение у Плотина, который заявляет, что категории Аристотеля суть именно роды сущих. Плотин критикует аристотелевскую систему категорий и сильно ее изменяет, совмещая с платоновскими родами и разделяя на умственный и феноменальный уровни.

Аристотель, наряду с регионом первых сущих, рассматривал еще и регион высказываний о первых сущих. Это регион таких сущих, которые «говорятся о чем-то». Вторая глава «Категорий» посвящена различиям между онтологией и онтикой, между тем, что говорится о чем-то, и тем, что не говорится ни о чем. Это особый, вторичный, производный тип сущих. Я интерпретирую так, что производные сущие образуют данность говорения о сущих. В этом регионе и наличествуют 10 категорий как виды говорения о чем-то. Среди категорий Аристотеля нет существительных, а есть причастие, 5 местоимений и 4 глагола. Он не концептуализирует эти виды говорения, не делает их понятиями, не дает им собственные имена. И «место» (τόπος) в «Физике» определяется лишь как частное выражение категории «где» (ποῦ) в особом регионе движущихся сущностей.

Указанные содержательные направления интерпретации, соотношения категорий с порождением сущностей или с говорением можно назвать соответственно «онтологическим», «языковым», в некотором смысле – «логическим», понимая «логос» широко (учитывая значения: «слово», «смысл», «закон» и др.). В понимании корня «логос» есть грамматическое и – шире – языковое и/или лингвистическое направления.

Уже не с «логосом», а с «логикой» связано логическое понимание категорий на основе концептов истинности, доказательности и выводимости. И, скажем, онтологию можно понимать логически. Собственно логическую линию выделил Порфирий, добавив к 10 категориям Аристотеля еще 5 логических. Аристотель говорит о роде, виде, присущем и отличии двояко: и как о характеристиках самих сущих, онтических подлежащих, и как о том, что присуще вы-

сказываемому как грамматическому подлежащему: «...сколько отличий имеется у сказуемого (высказывается о сущем. – *А. Ч.*), столько же (те же. – *А. Ч.*), будет иметься и у подлежащего» (ὄστε ὅσα κληρονομήνου διαφορά εἰσι, τοσαῦτα καὶ τοῦ ὑποκειμένου ἔσονται *Cat*, 1b, 23–25). Но Порфирий назвал их категориями (чего Аристотель не делал), а в изложении Боэция это стало базой последующих интерпретаций.

В проблеме определения категорий присутствует логическая трудность: они не могут быть определены через род и вид, что заметил еще Порфирий (Аристотель же требовал отличать то, что нужно определять, от того, что не нужно, и категории явно не определял, а лишь привел ряд поясняющих примеров). Концептуализация, или выражение категорий в понятиях – это уже позднее Средневековье, когда начинается движение к субстантивации понятий, отход от выражений вроде «quidditas» или «qualitas», но также и поиск категориальных систем за пределами «Органона».

С другой стороны, в связи с проблематикой определения находятся ожидания системности категорий и цельности их системы. Можно полагать, что это происходит из-за не очень четко осознаваемой связи, лежащей в основе нашего отношения к миру. В мире все определено, и, по-видимому, определенности тоже должны неким целостным образом существовать, ведь мы их прикладываем к чему-то более или менее целому (например, к «вещи»). Это также одна из основных линий развития категориальной проблематики: рассмотрение не просто набора категорий, а некой их системы. И далее возникает более поздняя и получившая значительное развитие логическая (но и имеющая онтологический аспект) проблематика выводимости категорий: как вывести категории либо из некоторого принципа, либо друг из друга.

У Аристотеля категория определяет особый смысл выражения. Причем категориально определенное выражение не является предложением, поскольку делается вне всякой связи (*Cat*, 1b, 25–26), ничего не утверждает и потому не обладает истинностным значением (*Cat*, 2a, 4–10). Категории не определяют смысловую структуру ни для предложения, ни для сложных выражений, составленных из простых предложений. Здесь находятся истоки развертывания категориальной проблематики у Канта, у которого категории определяют не отдельные выражения, а смысловую структуру суждений (которые могут иметь значения «истина» или «ложь»).

В целом в развитии категориальной проблематики выделяются как линия Аристотель – Кант – Гуссерль, так и платоновская линия, идущая через онтологический посыл, с проблемой определения первичного бытия, выражаемого категориями. Но в истории категориальной проблематики есть и линия, связывающая типы сущих с семиотикой, с языком. Вспомним различения категорематического и синкатегорематического, попытки различения категорий дополнительно к логическим определенностям.

Еще одна линия развития категориальной проблематики. У Канта категории ограничены сферой рассудка, а идеи разума категориально не определены, выходят за пределы как рассудочной, так и опытной определенности. Здесь лежат истоки категориальной проблематики у Гуссерля, который рассматривал категориальные определенности законов и системы законов. Истинность законов выглядит как необходимая и универсальная, но далее возникают проблемы и интерпретации существования идеальных объектов и определения самих законов. Законы суть аксиомы? Заданы ли они конвенционально? Каков статус индуктивных суждений? И т. д.

После Канта категории стали понимать как существующие априори формы синтеза познавательных актов субъекта в рассудке. Но априорно даны формы синтеза не только суждений в рассудке, но и идей в разуме, и явлений в чувственности, что дает начало еще двум линиям развития категориальной проблематики. И представление о субъекте, который своим синтезом нечто определяет, дает основание для рассмотрения категорий субъективным и субъектным образом. Отметим деятельность субъекта у И. Г. Фихте, который первым из немецких классиков пошел в этом направлении.

Г. В. Ф. Гегель своеобразно развивал категориальную проблематику. У него субъект – это саморазвертывающееся понятие, в деятельности которого просматриваются структурные компоненты, близкие и И. Г. Фихте, и Ф. Шеллингу, но вопрос стоит совсем иначе. У всех – деятельность или активность, но у Г. В. Ф. Гегеля возникает развитие категорий. Правда, здесь развертывание и развитие категорий в конце концов приводит к тому, что полностью осуществляется тотальность понятия. Она возвращается сама к себе, и категории суть формы кружения в определениях. Но вспомним, что И. Кант ставил целью создать систему метода. И у Гегеля метод есть завершение «Науки логики», включающее в себя все

категориальные определенности. Здесь проясняются истоки методологических аспектов категориальной проблематики.

Грамматическая линия в понимании категорий активно развивается в XIX в. после работ Адольфа Тренделенбурга, чьи «Логические исследования» стали прямым предшествованием как «Системы логики...» Дж. Милля, так и «Логических исследований» Э. Гуссерля.

Далее, можно рассматривать деятельность субъекта, субъективизируя категории. В XIX в. это делали, например, А. Шопенгауэр, Г. Файхингер, Э. фон Гартман, и движение шло в сторону психологизации логики (с чем впоследствии боролся Гуссерль). Основанием психологизации служило понимание категорий и логики как структур, производных от реальной и/или актуальной психологии. Эта линия, кстати, воспроизводится ныне на новых основаниях, например, в когнитивных исследованиях.

Сложная и перспективная тема категориальной проблематики – различение онтики и онтологии. Я полагаю, что категории – это уровень онтологии представления, тогда как уровень определенностей онтики (бытия не представленного, а просто сущего) пытался описать, скажем, М. Хайдеггер с помощью концепта «экзистенциал».

Интересна эволюция позиций Гуссерля в отношении к тому, в какую логику должны быть включены категории. Сначала он думал, что надо создавать «чистую логику» (1900), потом – «трансцендентальную» (1929), а в конце – «генетическую» (1940, не завершено). Фактически он постепенно отказывался от идеи, что структуры понимания реального субъекта можно описать независимо от психологических взаимодействий. Сейчас наблюдается возврат к онтологии не только и не столько в философском смысле, но в весьма реальных и практических аспектах. Так, при разработке современных программно-аппаратных комплексов создают «библиотеки онтологий». Здесь есть и неявное признание множественности онтологий, и еще более неявное признание связи онтологии с предметной областью. Речь должна идти не о единственной категориальной системе, а об их множестве. У Гуссерля есть идея региональных онтологий. Если строго следовать его плану, то надо рассматривать именно региональные категориальные определенности. В этой связи есть основания считать идею Гуссерля о том, что можно создать некую единственную формальную онтологию, имеющей право на существование, но нереализуемой.

Коротко о методологии. Ее обычно рассматривают как отношение: а) между субъектом и объектом, или б) между субъектом и предметом (гораздо реже – между субъектами). Я полагаю, что более корректно рассматривать предметную область методологии шире, включая сюда отношения между субъектом, объектом, предметом, методом и предметной областью. В любом методе присутствует конкретная категориальная сетка, а для развитых методов – даже не одна. И в составе метода категориальная проблематика выходит на изменения предметной области, связанные с изменениями и субъекта, и объекта, и предмета, и метода.

У К. Маркса, на мой взгляд, одна из наиболее сложных категориальных позиций. Когда Маркса пытались осмысливать, происходило это через некоторые «очки» (гегелевские, позитивистские и мн. др.). Но интерпретации категориальных позиций Маркса недотягивают все еще до реальной сложности его взглядов. Во фрагменте «Grundrisse» о методе категории названы «Existenzbestimmungen» – определения существования (а не бытия!). Во фрагменте «Бастия и Кэри» рассматриваются категории, устанавливаемые субъектами познания – актуально, онтически, в неосознанной зависимости от общественного бытия самого субъекта. Изменения категорий лежат в широком социокультурном контексте деятельности общественного субъекта. В связи с этим я полагаю, что изменения субъективных и объективных онтологических категорий представления в русле марксистской интерпретации следует рассматривать в связи и взаимодействии с их объективными, субъективными и предметными онтическими основаниями.

Другое основание марксистского метода – действительность субъекта в мире. Деятельность субъекта как основание понимания категорий можно рассматривать со стороны объективного и объектного присутствия субъекта в мире. Это понимание ярко проявляется у Маркса и тесно связано с его интересом к действительности: действительное развитие, предпосылки, положение и т. д. Он отличает «действительное» от идеологических иллюзий сознания и самосознания, а у Гегеля действительность абсолютно подчинена разумности.

Назову некоторые перспективы марксистской традиции, которая мне наиболее близка и интересна (не отрицая значимости и интереса исследований в иных, немарксистских традициях):

- изучение изменений категорий как исторических и социокультурных определенностей разных сфер деятельности людей;
- разработка средств как объективной, так и объектной критики категориальных систем;
- разработка действительной онтологии с изменяющимися категориями.

Завершая, назову основные типы понимания категорий: онтологическое, языковое, логическое, грамматическое, психологическое, деятельностное.

Категории типично понимались как:

- 1) различия объективные/онтологические = в истинном бытии;
- 2) разные осмысленные способы высказывания/выражения;
- 3) логические различия;
- 4) грамматические различия;
- 5) структурные формы активности субъекта на уровнях:
 - 5.1) познавательной деятельности субъекта;
 - 5.2) психологической активности субъекта;
 - 5.3) жизни субъекта;
 - 5.4) речевых практик субъекта;
 - 5.5) общественной практики.

Категориальная проблематика типично заключается в установлении, определении и исследовании: а) отдельных категорий; б) систем категорий; в) вывода категорий; г) обоснования категорий как особых концептов.

Г. А. Шулико

(Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова)
**КЛАССИЧЕСКИЙ МАРКСИЗМ КАК ПОПЫТКА
УЧЕНИЯ О КАТЕГОРИЯХ «ЕСТЕСТВЕННОЙ
МЕТАФИЗИКИ» (METAPHYSICA NATURALIS)**

Учение о категориях в различных его формах считается одной из традиционных «рубрик» европейской метафизики с момента ее возникновения. В этом качестве история учения о категориях пред-

ставляется взгляду неискушенного зрителя как история философской дисциплины, за время своего существования претерпевшая большую часть превратностей судьбы традиционной метафизики: от ее появления в Античности и перерождения в средневековой диалектике до череды разоблачений и региональных попыток переосмысления – как категориальных систем в принципе, так и отдельных категорий – на обновленном философском и научном материале в Новое и Новейшее время.

Если оттолкнуться от общепринятых суждений, представляется интересным – и это основная идея доклада – рассмотреть судьбы новоевропейской критики категориальных учений (прежде всего на примере классического марксизма) из перспективы довольно традиционного разделения метафизики на «искусственную» (специальную, научную) и «естественную»; как разделение на метафизику как науку и метафизику в качестве природной склонности, где первая является, по сути, лишь выражением второй, условно говоря, лишь «надводной частью айсберга» метафизики. Данное разделение, предпосылки которого при желании можно найти в Античности, в частности у Гераклита (знаменитое «Не мне, но Логосу внимая»), у Аристотеля («Все люди от природы стремятся к знанию», правда, с поправкой на учение о трех видах душ), в его общеизвестном виде дано в немецком идеализме (И. Кант, А. Баумгартен). Не задерживаясь на данном моменте, скажем лишь, что одним из следствий подобной организации метафизики может стать возникновение двух рядов категорий или даже двух категориальных систем – «естественной» и научной соответственно. Из перспективы дальнейшего разговора о марксизме обратим внимание на решение данной проблемы в системе Г. В. Ф. Гегеля, где как «естественные», так и научные категории являются этапами единого процесса самопознания Абсолютной Идеи.

Классический марксизм представляет собой один из любопытных примеров критики категориальной метафизики, особенно если взглянуть на эту критику прежде всего как на критику разделения метафизики и на саму идею «естественной» метафизики, коренящейся, если верить Канту, в сущности человека как разумного существа. Так, общеизвестно одно из классических положений Марксовой антропологии: «...сущность человека не есть абстракт, при-

сущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [Маркс 1955: 3]. Иначе говоря, Маркс не отказывается от понятия сущности человека как такового, но отказывается укоренять его, вслед за Кантом, в природе разумного индивида. Для Маркса – и это также традиционный тезис – сущность человека коренится в практике общественных отношений, которые становятся новой «подводной частью айсберга». Именно эта практика, ее историческое развитие стали предметом анализа и реконструкции у позднего Маркса в «Капитале» и «Экономических рукописях 1857–1859 гг.», итогом которых оказалась оригинальная система экономических категорий с соответствующим словарем (движение от абстрактного к конкретному и обратно, конкретное как многообразие абстрактного и т. д.). Что же касается «научной» метафизики, то она превратилась в основную мишень для критики в «Немецкой идеологии». Ключевым моментом данной критики оказалось утверждение, что «абстракции эти сами по себе, в отрыве от реальной истории, не имеют ровно никакой ценности» и что действительная критика «научной» метафизики, «научных» категориальных систем, возможна только как «критика оружием» реальных, то есть для Маркса, экономических категорий: частная собственность, труд и т. д. Короче говоря, «совпадение изменения обстоятельств и человеческой деятельности может рассматриваться и быть рационально понято только как революционная практика» [Там же: 2].

Взгляд Ф. Энгельса на категориальную проблематику довольно сильно отличается от марксовского. Так, в «Анти-Дюринге» Энгельс, высмеивая «оригинальность» категорий Дюринга, крайне пренебрежительно отзывается о какой-либо категориальной работе в принципе, о гегелевской в частности, с ее «горячечными фантазиями». Однако в «Диалектике природы» Энгельс уже оказывается более лоялен к категориальной работе, полагая категории необходимым условием научного мышления, и ставит перед учеными вопрос, «желают ли они, чтобы над ними властвовала какая-нибудь скверная модная философия, или же они желают руководствоваться такой формой теоретического мышления, которая основывается на знакомстве с историей мышления и ее достижениями» [Энгельс 1961: 525]. Как нетрудно догадаться, Энгельс имел в виду науку

материалистической диалектики с ее категориями, которые, по идее, оказываются должны заменить категории метафизики как более отвечающие специфике предмета. Что еще важнее, Энгельс фактически создает альтернативу *metaphysica naturalis*, диалектику природы.

Основания категориальной системы Маркса – социально-исторические, как было показано, они основываются на специфическом понятии общественной и революционной практики; основания категориальных представлений Энгельса – более традиционные в философском смысле, основываются на убежденности в прогрессе научной понятийной работы. Между этими позициями есть нечто общее – это: а) неприятие абсолютного идеализма и неразрывно связанный с этим неприятием материализм; б) убежденность в том, что любой научный метод должен соотноситься со своим объектом (что можно трактовать и как неприятие гегелевской установки в духе афористического «тем хуже для фактов»). Данные позиции слабо пересекаются, хотя и не противоречат друг другу – в конце концов, мало что мешает, с одной стороны, рассмотреть диалектическую логику как категориальную дисциплину – пусть и последнюю в своем роде, а с другой – связать прогресс научной понятийной работы с успехами революционного низвержения экономических категорий. Представляется, что схожим образом поступил В. И. Ленин, а вслед за ним советские марксисты.

Таким образом, на примере классического марксизма была продемонстрирована значимость концепта «*metaphysica naturalis*» в контексте как критики категориальной метафизики Мавром и Генералом, так и тех альтернатив, которые классики марксизма представляли взамен.

Литература

Маркс К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 3. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 1–4.

Энгельс Ф. Диалектика природы / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. 2-е изд. Т. 20. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1961. С. 343–628.